

вочников, которые в течение не одного десятилетия будут служить пособием и руководством для всех, занимающихся историей Византии и соприкасавшихся с ней стран.

Е. Э. Гранстрем

ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ В ТРУДАХ ЗАПАДНОГЕРМАНСКИХ ИСТОРИКОВ

История крестовых походов XI—XIII вв. занимает видное место в современной буржуазной историографии. Более того: эта тема является в настоящее время одной из самых животрепещущих в зарубежной медиевистике. Не преувеличивая, можно сказать, что никогда еще интерес к истории крестовых походов не был так силен и никогда она не изучалась столь интенсивно, как после Второй мировой войны. По количеству исследований в этой области (даже если принять в расчет работы, изданные только за последние десять лет) в сравнении с современностью могут идти разве что 80—90-е годы прошлого столетия, давшие классические в буржуазной науке труды Г. Гагенмейера, Б. Куглера, В. Нордена, Р. Рэрихта и других исследователей.

О крестовых походах в наши дни пишут очень много. Пишутся глубоко ученые исследования и популярные статьи¹. Защищаются докторские диссертации². Вопросы истории крестовых походов рассматривались в научных докладах: на X международном конгрессе историков (Рим, сентябрь 1955 г.) крестовым походам была посвящена примерно пятая часть всех докладов по средневековью³; эти сюжеты рассматривались и в других научных ассамблеях, происходивших на Западе, например, на XII сессии Отделения моральных, исторических и филологических наук Национальной Академии деи Линчеи (Рим, 1957), посвященной проблеме «Восток и Запад в средние века»⁴. О крестовых походах читаются лекции для широкой аудитории: такие лекции, например, весной 1951 г. читал в Чикагском университете известный исследователь истории последних крестовых походов А. С. Атия⁵. Широко публикуются тексты и переводы источников по истории крестовых походов,

¹ См., например, не лишнюю, впрочем, и научного интереса статью Д. М. Николя о четвертом крестовом походе и Латинской империи (D. M. Nicol. *The Fourth Crusade and the Latine Empire of Constantinople*. — «History to-day», vol. VI, 1956).

² Таковы диссертации немецких исследователей: М. Плохэра — о развитии крестовых идей в 12—13 вв., опубликована во Фрейбурге в 1950 г. (M. Ploch er. *Studien zum Kreuzzugsgedanken im 12. und 13. Jahrh.* Diss., Freiburg, 1950); Л. Бэм — О Гвиберте Ножанском, опубликована в 1954 г. в Мюнхене (L. Boehm. *Studien zur Geschichtsschreibung des ersten Kreuzzuges*, Guibert von Nogent, Diss., München, 1954); Т. Мишо — о седьмом крестовом походе (Th. Michaux. *Die Hauptentscheidungen des I. Kreuzzuges Ludwig IX in ihrer politischen Bedingtheit*. Köln, 1954).

³ См. подробнее сб. «Средние века», т. VIII, 1956, стр. 396—404. См. также E. W e r n e r. *Die Kreuzzugs-idee im Mittelalter*. — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl Marx-Universität». Gesellschafts- und Sprachwiss. Reihe, H. 1—2. Leipzig, 1957/58, S. 135—140.

⁴ Назовем, к примеру, весьма содержательный доклад прогрессивного французского ученого, профессора Страсбургского университета К. Каэна (Cl. Cahen. *La féodalité et les institutions politiques de l'Orient Latin*. — «Accademia Nazionale dei Lincei», XII, 1957, Convegno «Volta», Roma, p. 167—191.

⁵ Основные идеи этих лекций получили отражение в его специальной статье: A. S. A t i y a. *The Crusades: old ideas and new conceptions*. — «Cahier d'histoire mondiale», vol. II, № 2, 1954.

равно как и источниковедческие исследования, относящиеся к соответствующим памятникам⁶. Проблемы, связанные с историей крестовых движений, служат даже предметом обсуждения в политической публицистике⁷. Не одна страница потребовалась бы, чтобы только перечислить те специальные работы по данной проблематике, которые в течение последних десяти лет были опубликованы в различных периодических изданиях стран Западной Европы и США.

Весьма знаменательным является то, что за короткий срок вышли в свет (полностью или частично) четыре сводных фундаментальных труда по истории крестовых походов в целом: в 1951—1954 гг. в Кембридже было опубликовано трехтомное сочинение Ст. Рэнсимена «История крестовых походов»⁸; в 1955 г. Пенсильванский университет выпустил первый том обширного пятитомного труда на ту же тему⁹; в 1956 г. увидели свет два тома капитальной «Истории крестовых походов» А. Вааса¹⁰ (ФРГ); наконец, в 1957 г. была издана книга П. Русса «История крестовых походов»¹¹.

Небезынтересно, что крестовые походы привлекают сегодня внимание историков самых различных специальностей, а не только медиевистов-западников, как это преимущественно наблюдалось в прежние времена.

Проблемами истории крестовых походов вплотную занимается крупный французский востоковед К. Каэн: в последние годы он опубликовал большое число исследований¹² и выступил с рядом докладов¹³. В активное изучение проблем крестовых походов включились видные византилисты — Ф. Дэльгэр¹⁴ (ФРГ), П. Харанис¹⁵ (США), Ст. Рэнсимен¹⁶ (Англия), П. Лемерль¹⁷ (Франция) и другие.

⁶ См., например, Documents relatifs à l'histoire des croisades. Paris, 1949; O d o d e D i o g i l o. La croisée de Louis VII, ed. H. Waquet. Paris, 1949. См. также L. B o e h m. Die Gesta Tancredi des Radulf von Cahen. — «Historisches Jahrbuch», Bd. 75, 1956; H. G l a e s e n e r. Raoul de Caen, historien et écrivain. — «Revue d'histoire ecclésiastique», vol. 46, № 1—2, 1951; H. W i t z e l. Le problème de l'auteur des Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum. — «Le Moyen Age», vol. 61, 1955.

⁷ См. статьи: К. Рексрота (K. R e x r o t h. The Unchristian Crusades. — «The Nation», 10th September 1955) и Фр. Хэера (Fr. H e e r. Kreuzzüge und Kreuzzugs-ideologien. — «Neue deutsche Hefte», H. 35, Juni 1957).

⁸ St. R u n s i m a n. A History of the Crusades, vol. I—III. Cambridge, 1951—1954. См. подробный разбор в ВВ, XIV, 1958.

⁹ A History of the Crusades, vol. I; The First Hundred Years. Philadelphia, 1955. См. нашу рецензию в ВВ, XVII, 1960.

¹⁰ A. W a a s. Geschichte der Kreuzzüge. 2. Bd. Freiburg, 1956 (см. рец. в сб. «Средние века», вып. XIX, 1961).

¹¹ P. R o u s s e t. Histoire des croisades. Paris, 1957. См. рец. E. F r a n c è s в журнале «Studii revista de istorie», București, 1958, № 5.

¹² Важнейшие из них: С. С a h e n. Notes sur l'histoire des croisades et de l'Orient latin. — «Bulletin de la Faculté des lettres de l'Université de Strasbourg», 1950, № 2; 1951, № 7—8; i d e m. An introduction to the First Crusade. — «Past and Present», 1954, № 6.

¹³ См. i d e m. L'islam et la croisade. X Congresso Internazionale di Scienze Storiche, «Relazioni», vol. III. Firenze, 1955; см. также выше, стр. 2, прим. 4.

¹⁴ См. F. D ö l g e r. Der Pariser Papyrus von St. Denis als ältestes Kreuzzugsdokument. — «Actes du VIe Congrès International d'Etudes Byzantines», vol. I, 1950.

¹⁵ См. P. C h a r a n i s. Byzantium, the West and the Origines of the First Crusade. — Byz., vol. XIX, 1949; i d e m. Aims of the Medieval Crusades and how they were viewed by Byzantium. — «Church History», vol. XXI, 1952.

¹⁶ Кроме упомянутой сводной работы, Рэнсимуэну принадлежит ряд статей, опубликованных в 1948—1950 гг. Им были также сделаны два доклада на Римском конгрессе историков в 1955 г. (См. «Relazioni», vol. III).

¹⁷ P. L e m e r l e. Byzance et la croisade. — «Relazioni», vol. III; книга П. Лемерля «Крестовые походы», опубликованная в научно-популярной серии «Quésais-je?», оказалась для нас, к сожалению, недоступной.

Особенно любопытно проследить сравнительную динамику развития современной историографии крестовых походов по отдельным странам. В первые послевоенные годы ими занимались главным образом французские (Р. Грусса, П. Лемерль, Ж. Лоньон, Ж. Ришар, П. Русса, Ж. Шарпантье, И. де Февр), отчасти — английские (Ст. Рэнсимен, Р. Ч. Смэйл) и особенно усердно — факт чрезвычайно симптоматичный — американские ученые (М. У. Балдуин, А. Крэй, Дж. Л. Ла Монт, У. Порджис, Р. Топшинг), которые вообще принялись за разработку проблематики истории крестовых походов гораздо позднее своих западноевропейских коллег (в основном в 20-х гг. нынешнего столетия). Что касается германской науки, то на протяжении нескольких лет по окончании второй мировой войны эта традиционная для довоенной немецкой медиевистики тема словно была предана совершенному забвению.

В 50-х годах число исследований, посвященных интересующей нас теме, стало быстро возрастать. В Англии один за другим вышли указанные выше три тома работы С. Рэнсимена, исследование Р. К. Смэйла о военном искусстве эпохи крестовых походов¹⁸, ряд статей (Д. М. Николь и др.). Во Франции были опубликованы книга Ж. Ришара о Латинско-Иерусалимском королевстве¹⁹, статьи К. Каэна, посвященные различным проблемам истории крестовых походов и крестоносных государств на Востоке²⁰, работы по истории ордена тамплиеров²¹, исследование по истории четвертого крестового похода (А. Фролов)²², по вопросам деятельности церкви в первом и втором крестовых походах (А. Грегуар²³, А. Сегэн²⁴) и др. Не отставали и американские историки, по замыслу которых в США было начато крупное научное предприятие — издание монументальной «Истории крестовых походов»²⁵.

Весьма показателен тот факт, что с конца 40-х годов труды по истории крестовых походов начали появляться и в Западной Германии. В 50-х годах вопросы истории крестовых походов снова, как и в довоенное время, заняли видное место в немецкой медиевистике²⁶. Ныне западногерманские исследователи по интенсивности разработки проблем истории крестовых походов лишь немногим уступают американским и наверняка идут «вперед» своих английских коллег. Во всяком случае, в том «штурме» крестоносной проблематики, который предпринят в последние годы историками главных стран Северо-атлантического блока, усилия западногерман-

¹⁸ R. C. Smail. *Crusading Warfare (1097—1193)*. Cambridge, 1956.

¹⁹ J. Richard. *Le royaume latin de Jérusalem*. Paris, 1953.

²⁰ См. выше, стр. 292, прим. 11.

²¹ M. Melville. *La vie des Templiers*. Paris, 1951. Эта тема привлекла внимание и бельгийского историка М. Лобэ (M. Lobet. *La tragique histoire de l'Ordre du Temple*. Bruxelles, 1954).

²² A. Frolov. *Recherches sur la déviation de la IVme croisade vers Constantinople*. Paris, 1955. Эта работа, представляющая собой резюме лекций, читанных автором в Сорбонне, первоначально была опубликована в виде двух статей в «Revue de l'histoire des religions», т. 145, № 2 и 146, № 1, 1954.

²³ H. Grégoire. *Pierre d'Ermitte, le croisé d'avantgarde et sa tombe à l'abbey de Neuf-Moustier à Huy*. — «Nouvelle Clio», т. III, 1951.

²⁴ A. Séguin. *Bernard et la seconde croisade. Bernard de Clairvaux*. Paris, 1953. Близкий круг вопросов затрагивает исследование бельгийца Виллема (E. Willem s. Citeaux et la seconde croisade. — «Revue d'histoire ecclésiastique», vol. XLIX, № 1, 1951).

²⁵ См. выше, стр. 292.

²⁶ Мы имеем в виду не только специальные исследования в области крестовых походов, но и экскурсы в их историю в сочинениях на другие темы медиевистики. В частности, по истории папства. См., например Н. Тилманн. *Innocenz III*. Bonn, 1954.

ских ученых весьма значительны. Пожалуй, только Франция — по старинной традиции — еще удерживает пальму первенства в этой области.

Все это свидетельствует о необычайном интересе, который вызывает история крестовых походов в научных кругах на Западе, в том числе и в ФРГ. Естественно спросить: почему крестовые походы сконцентрировались на себе такой, можно сказать, не имеющий прецедента в историографии интерес современных исследователей?

Причины этого явления — двоякого рода.

С одной стороны, распад колониальной системы империализма, с огромной силой развернувшийся после войны, выдвинул в качестве актуальнейшей проблемы современности вопрос о взаимоотношениях Запада и Востока. Эта проблема приковала к себе внимание большого числа буржуазных историков, социологов и публицистов, возродивших старый миф об извечной противоположности Запада и Востока: противопоставление друг другу Запада и Востока превратилось в одну из ведущих тенденций империалистической пропаганды, стремящейся теоретически обосновать попытки колонизаторов увековечить свое господство в странах Азии и Африки²⁷.

Косвенным, спроецированным в прошлое отражением интереса к проблеме «Запад и Восток» явился и отмеченный интерес многих историков к тем временам, которые составили определенную веху во взаимоотношениях Западной Европы с Передним Востоком, — ко временам крестовых походов, когда «христианский» Запад, хотя и ненадолго, восторжествовал над «мусульманским» Востоком. Несомненно, что некоторые ученые обратились к истории крестоносных захватов в Сирии, Ливане, Палестине и Северной Африке, увидев в событиях XI—XIII вв. своеобразный, хотя уже и недостижимый в условиях крушения колониальной системы капитализма, идеал «благополучия» западного мира, основанного на колониальном порабощении народов Востока²⁸. В данном случае, следовательно, история крестовых походов была при звана служить «утешительницей» и «наставницей» (не слишком, впрочем, надежной) вчерашних хозяев Азии и Африки, выброшенных народами с насиженных мест.

С другой стороны, обостренный интерес буржуазных историков к крестовым походам питался и питается атмосферой «холодной войны», отравляющей международные отношения вот уже на протяжении многих лет.

Империалистические круги давно стараются использовать лозунг крестового похода в качестве пропагандистского прикрытия для своей агрессивной политики²⁹. С наибольшей отчетливостью стремление возродить идеи и лозунги крестовых походов — применительно к агрессивным целям реакционных кругов империалистических держав стало про-

²⁷ См. Э. А. Багратов. Миф о противоположности Запада и Востока. М., 1958.

²⁸ Этим главным образом можно объяснить сентиментальную апологетику крестовых походов в сочинениях таких историков, как Р. Груссэ. Даже американец К. Рексрот упрекает его в явном шовинизме: «Когда Вы читаете его первые слова о цивилизаторской роли крестовых походов, — пишет он, — вам кажется, что Вы позабыли французский язык и спутали подлежащее с дополнением». См. «The Nation», 10th September 1955, p. 226. Характерно, впрочем, что западногерманский исследователь А. Ваас в своей «Истории крестовых походов», претендующей на историзм и объективность, критикует Р. Груссэ за его представление, что крестовые походы были «колониальной экспансией», и даже обвиняет автора в перенесении на далекое прошлое современных понятий (A. W a s. Geschichte der Kreuzzüge, Bd. I, S. 52, Anm. 185; S. 309, 396).

²⁹ См. М. А. Заборов. Новоявленные крестоносцы. — «Наука и жизнь». М. 1959, № 6.

являться после второй мировой войны. Сторонниками новых крестовых походов — во имя спасения христианской цивилизации от безбожного коммунизма — не раз заявляли себя многие матерые реакционеры на Западе, старающиеся с помощью лозунга «крестового похода» сгущать атмосферу международной напряженности. Не без основания австрийский историк Ф. Хээр называет этот лозунг порождением идеологии «страха и запугивания», признавая, что подобные лозунги играют гораздо более значительную роль в современной обстановке, чем это принято думать³⁰.

Безусловно, широкое использование империалистической пропагандой лозунга «крестового похода», в свою очередь, явилось «политическим стимулом» усердного изучения крестоносного движения XI—XIII вв. в современной историографии. Историческая наука не могла оставаться «нейтральной» в условиях, когда, казалось бы, сугубо исторические представления были поставлены на службу политическим целям агрессивных сил империализма. «Реакцией» историографии на это «обращение политики к истории» и явился повышенный интерес ученых к крестовым походам средневековья, породивший огромную литературу.

Рассмотрим, какова же была эта «реакция» среди медиевистов Федеративной Республики Германии.

Среди трудов западногерманских исследователей крестовых походов встречаются работы сугубо «академического» типа; авторы таких работ всецело поглощены изучением тех или иных источников или даже толкованием их отдельных мест, выяснением и уточнением исторических фактов, засвидетельствованных какими-либо памятниками и имеющих подчас второстепенное значение. Таково, к примеру, исследование Йорга Кремера «Падение Иерусалимского королевства»³¹ (1952). В этой работе, представляющей собой докторскую диссертацию, защищенную в Тюбингене в 1947 г., Кремер путем тщательного изучения арабской хроники Имад ад-Дина и сопоставления ее данных с известиями других источников, восточных и западных (хроники Михаила Сирийца, Преемника Вильгельма Тирского, эпистолярный материал и др.), прослеживает фактическую историю завоевания Иерусалима у крестоносцев войсками египетского султана Саладина в 1187 г. Основной вывод, к которому приходит Кремер, заключается в констатации первостепенной важности сочинения Имад ад-Дина «О завоевании Иерусалима» как источника. Изложение событий этим автором, труд которого представляет собой единственное арабское свидетельство о взятии Иерусалима, принадлежащее перу очевидца, основано в немалой мере на показаниях официальных документов; его данные, большей частью, совпадают с известиями других современников³².

Но наряду с такими конкретными исследованиями в западногерманской историографии крестовых походов можно назвать и ряд произведений, если не формально, то по существу своему в большей или меньшей мере обращенных к современной нам действительности и носящих — явно или скрыто — программно-политический характер.

Политические идеи, выдвигаемые в работах этого направления, нередко связаны с определенными тенденциями империалистической пропаганды. Как известно, за годы «холодной войны», когда реакционные круги на Западе усиленно консолидировали свои силы, одним из

³⁰ Fr. Heer. *Kreuzzüge und Kreuzzugsideologien*. — «Neue deutsche Hefte», Heft 35, Juni 1957, S. 206.

³¹ J. Kraemer. *Der Sturz des Königreiches Jerusalem (583/1187) in der Darstellung des Imad ad-Din Al-Katib Al-Isfahani*. Wiesbaden, 1952.

³² Kraemer. *Op. cit.*, p. 60.

лейтмотивов этой пропаганды сделалось обоснование необходимости единства западного — «свободного мира». В защиту этой идеи выступили и некоторые западногерманские историки крестовых походов, взявшиеся вскрыть исторические корни и показать «величие» идеи «единства Запада»³³.

Одним из первых исследователей, начавших разработку крестовосной проблематики именно с этой точки зрения, явился известный византист Ф. Дэльгер. На VI международном византиноведческом конгрессе он прочитал доклад на тему «Парижский папирус из Сен-Дени как древнейший документ о крестовых походах»³⁴. В этом докладе были изложены результаты изучения папируса, хранящегося в Парижском национальном архиве и содержащего в себе отрывок из письма византийского императора Феофила к внуку Карла Великого, римскому императору Лотарю. Письмо Феофила относится, как установил Дэльгер, к 841 г. Василевс обращается в нем к римскому императору с предложением предоставить Византии войско для совместного похода против «врагов христианской веры».

Не ограничившись определением даты и тщательным восстановлением текста интересующего его документа, Дэльгер дает ему весьма своеобразное истолкование. Он считает Парижский папирус свидетельством того, что еще за 250 лет до начала крестовых походов, в письме Феофила была якобы сформулирована «концепция всеобщего европейского крестового похода против варваров-неверных». Таким образом, по мнению Дэльгера, отсюда идет «прямая линия» к идее крестового похода, как она сложилась в более поздние времена³⁵.

Искусственность интерпретации названного документа западногерманским исследователем очевидна. Если византийское правительство еще в 40-х годах IX в. и пыталось использовать военные ресурсы Западной Европы в своих целях, для борьбы с арабами и восстановления позиций Византии на Востоке, то эта политика не имела ничего общего с крестовым походом. Идея священной войны против мусульман, войны за «гроб господень» в Иерусалиме, сложилась на феодальном Западе — и притом только в XI столетии; она получила распространение среди рыцарства под влиянием католической церкви и сформировалась по сути дела вне зависимости от политических планов Константинополя. Послание Феофила к Лотарю не дает никаких оснований усматривать в нем хотя бы намек на идею совместного с Западом «крестового похода», что старается отыскать Дэльгер в исследуемом им памятнике.

Известно, что самое представление о крестовом походе в том смысле, который вкладывался в это понятие на Западе с конца XI в., всегда было чуждо принципам византийской политики на Востоке. Войны с арабами даже во времена Ираклия не получали в Византии религиозного освящения³⁶. Это относится и к последующим столетиям. В XI в. тем, кто формулировал и проводил в жизнь внешнюю политику империи, мысль о прикрытии войн с сельджуками знаменем креста также казалась со-

³³ Нам остались, к сожалению, недоступными названные выше диссертации, а также некоторые другие работы историков ФРГ, в том числе статья Н. Веймана, *Kreuzzüggedanke und Ostpolitik im hohen Mittelalter*. — «Historisches Jahrbuch», Bd. 72, 1953.

³⁴ См. выше, прим. 14.

³⁵ F. Dölger. *Op. cit.*, p. 101—102.

³⁶ См. P. Lemerle. *Byzance et la croisade*. — «Relazioni», vol. III, p. 614, n. 1, где Лемерль с полным основанием отвергает противоположное мнение А. Фролова (A. Frolov. *La Vraie Croix et les expéditions d'Héracléus en Perse*. — REB, 1953, p. 88—103).

вершенно неприемлемой: в Византии хорошо понимали, что за благочестивым фасадом папской священной войны с самого начала скрывались агрессивные устремления западных феодалов и католической церкви не только против областей ислама, но и по отношению к Константинополю ³⁷. Как справедливо заметил немецкий историк-марксист Э. Вернер, с точки зрения византийской политической доктрины, войны вел император, а не церковь; к тому же в глазах греков западное «военизированное духовенство» являлось чем-то «мерзкопакающим», поскольку в западной идее крестового похода для них как бы воплощались враждебные Византии политические притязания папства. Общий религиозный фронт Запада и Византии против ислама, указывает Вернер, был невозможен ³⁸ — и это верно.

Мы вправе заключить, что построение Ф. Дэльгера, выдвинутое им в докладе о Парижском папирусе, носит спекулятивный характер и предпринято с определенными политическими целями: опираясь на искусственно истолковываемые данные греческого документа IX в., найти возможно более отдаленные истоки «общевропейского единства», основанного якобы на идее совместной войны с враждебным христианскому миру Востоком.

Указанная тенденция — исторически обосновать идею единства Запада (правда, в ином варианте, уже без отнесения Византии к европейскому комплексу), чрезвычайно ярко проступает в трудах другого западногерманского историка — Адольфа Вааса.

Работы Вааса ³⁹ — своеобразный апофеоз крестовых походов. В основе его лежит представление о том, что крестовые походы были «великим делом», сформировавшим, хотя и на время, единство западного мира. Народы Запада, — пишет он, впадая в патетику, — поднялись единым фронтом и сообща совершили одно великое дело ⁴⁰. Запад в крестовых походах, — варьируется та же мысль в другой работе, — представлял собой единое политическое целое, именно крестовые походы принесли Западу сознание его общности, — утверждает Ваас, — ибо они выдвинули перед ним общую цель, общее дело, указали на его общее «призвание». Крестовые походы прежде всего преисполнили рыцарство сознанием единства Запада в противовес Востоку и Византии ⁴¹ и тем самым, — уточняет и резюмирует историк, — создали Запад ⁴², обеспечили его солидарность в решении общей задачи ⁴³.

Таков один из важнейших моментов концепции западногерманского ученого: кровопролитные войны, которые велись за утверждение господства западных феодалов на Ближнем Востоке, изображаются им в качестве некоего двухсотлетнего рыцарского подвига, якобы сплотившего Запад. В этом, с точки зрения Вааса, — исторический смысл всей крестовосной эпопеи: «Крестовые походы и дело Запада, как испытанного в борьбе единства, стоят в тесной связи» ⁴⁴. Ваас весьма откровенно разъясняет свою позицию, мотивируя необходимость нового, по его мнению, подхода

³⁷ P. Lemerle. Op. cit., p. 598.

³⁸ E. Werner. Die Kreuzzugs-idee im Mittelalter, S. 137—138.

³⁹ Помимо упомянутой выше (прим. 10) фундаментальной монографии, Ваасу принадлежит обобщающая статья: «Religion, Politik und Kultur in der Geschichte der Kreuzzüge». — «Die Welt als Geschichte», 1951, Heft 4. Эта статья представляет собой переработку доклада, прочитанного историком в Тюбингенском университете.

⁴⁰ Waas. Religion, Politik. . ., S. 236.

⁴¹ Waas. Geschichte der Kreuzzüge, Bd. I, S. 338.

⁴² Waas. Religion, Politik. . ., S. 236; ср. его же. Geschichte. . ., Bd. I, S. 338.

⁴³ Waas. Geschichte der Kreuzzüge, Bd. II, S. 304.

⁴⁴ Ibidem.

к изучению крестовых походов; оказывается, нужно отбросить «национальные предрассудки, которые до сих пор так часто искажали действительную картину», «преодолеть национальную узость мышления»⁴⁵ — и тогда явится возможность увидеть в крестовых походах общее дело Запада.

Нет надобности в подробной критике искусственного построения западногерманского историка. Оно опровергается многими фактами, в том числе и теми, которые приведены в его собственной монографии. Острые конфликты внутри пестрых по своему социальному составу армий крестоносцев первого похода, все учащавшиеся столкновения друг с другом феодалов — участников крестоносных экспедиций, углубление противоречий между формировавшимися в Западной Европе феодальными государствами в XII—XIII вв. — все эти явления давно описаны в литературе. Знает о них и Ваас, посвящающий особый раздел своей «Истории» проблеме «национальных противоречий в крестоносном движении»⁴⁶. Тем не менее, ради поддержания мифа о западном единстве, порожденном крестовыми походами, он очень легко отделяется от этих фактов, заявляя, что-де «трения, которые происходили между отдельными нациями, отступали на второй план перед сознанием общей задачи»⁴⁷. Достаточно, однако, вспомнить хотя бы историю провала Второго (1147—1149), Третьего (1189—1192) и Пятого (1217—1221) крестовых походов, чтобы несостоятельность подобны утверждений выступила с полной очевидностью⁴⁸. Что касается Четвертого крестового похода, то 30-тысячный отряд головорезов-рыцарей, овладевших в 1204 г. Константинополем, уж во всяком случае невозможно всерьез считать представителем идеи западноевропейского единства.

Представление Вааса о единстве Запада в крестовых походах неразрывно связано с другой и притом наиболее характерной чертой его концепции крестовых походов — с идеалистическим в своей основе пониманием их причин и характера⁴⁹.

Решающую роль в происхождении крестовых походов, с его точки зрения, играла религия: вера рыцарей в небесное спасение, уготованное борцам за гроб господень, их благочестие были теми силами, которые прежде всего вызвали к жизни движение крестовых походов⁵⁰: только могущество этой веры, по мнению историка, обеспечило непрерывность движению на протяжении почти двухсот лет, только силой религии можно объяснить, что Запад пошел на небывалые расходы для крестовых походов, только мощь религиозных чувств объясняет самопожертвование, проявленное Западом в течение этого времени. Не приняв в расчет религиозного воодушевления, нельзя понять крестовых походов, пишет Ваас, жертвы, которые приносил Запад, посылая на войну лучших (!) представителей ведущего сословия и большие массы горожан и крестьян, а также собирая огромные денежные средства для ведения крестовых походов, — всем

⁴⁵ W a s. Geschichte. . . , Bd. I, S. 2—3.

⁴⁶ Ibid., S. 337—342.

⁴⁷ W a s. Religion, Politik. . . , S. 245; ср. W a s. Geschichte. . . , Bd. I, S. 338, где сказано, что «основное впечатление» от крестовых походов, «несмотря на все столкновения национальностей», — это все же «единство Запада».

⁴⁸ Сам Ваас отмечает, что «соперничество королей и национальные конфликты различных народов необычайно повредили второму и третьему походам» (W a s. Geschichte. . . , Bd. II, S. 270).

⁴⁹ См. подробнее в нашей рецензии в сб. «Средние века», вып. XIX, М., 1961, стр. 258—261.

⁵⁰ W a s. Religion, Politik. . . , S. 231; ср. i d e m. Geschichte, Bd. I, S. 51; Bd. II, S. 270, где Ваас характеризует Первый крестовый поход как «стихийный порыв западного рыцарства, возникший на основе его Gottesstreiterfrömmigkeit».

этим Запад был обязан исключительно своему религиозному пылу⁵¹, мирские же завоевательные стремления были лишь «побочным мотивом»⁵², служившим «дополнением» к религиозному фактору⁵³.

Стремление выдвинуть на первый план религиозные мотивы как главную силу крестовых походов не является чем-либо новым в западноевропейской историографии: с него она начала еще в первые десятилетия XIX в., к нему вернулись наиболее консервативные из новейших ученых, вроде П. Русса. Неудовлетворительность такого объяснения крестовых походов также давно уже выявлена в исторической науке⁵⁴. Концепция Вааса интересна другими моментами. Предпочтение, которое Ваас отдает религии в ряду других стимулов крестоносного движения, он прямо и недвусмысленно противопоставляет реалистическим попыткам прежних историков в решении этой проблемы. Автор открыто объявляет о своем разрыве с положительными традициями, накопленными позитивистской историографией второй половины XIX в. Обосновывая порядок постановки главных вопросов в своей работе «Религия, политика и культура в истории крестовых походов», Ваас указывает, что он умышленно выдвинул на первое место религию и постоянно старался подчеркивать силу благочестивых побуждений крестоносцев потому, что «во второй половине XIX в. этому придавалось весьма малое значение»: историки того времени «не скрывали своего удовлетворения, выдвигая на авансцену могущество светских мотивов» поведения крестоносцев⁵⁵. Это ни в коей мере не устраивает Вааса; отказываясь от достижений передовой исторической мысли конца XIX в., он во многом возвращается к традиционным, более чем вековой давности, идеалистическим представлениям о причинах, а равно и характере крестовых походов, которые он считает в первооснове своей религиозными войнами⁵⁶, оттеняя силу религиозных чувств рыцарства⁵⁷ и усматривая сущность крестовых походов — в идее *Gotteskämpferts*⁵⁸.

Настойчиво проводимый Ваасом тезис о преимущественно религиозном характере крестоносного движения по существу подчинен в его работах центральной идее — западного единства, установившегося будто бы в крестовых походах и благодаря им⁵⁹. Правда, Ваас отнюдь не закрывает глаза на то, что наряду с главным, рыцарским в крестоносных экспедициях был и другой элемент — бедняцкий. Однако социальная природа походов бедняков и антифеодалная направленность этого движения неведомы Ваасу. Он видит в походе Петра Пустынника лишь «вторую религиозную волну этого времени»⁶⁰. Ее отличие от рыцарской состоит, по Ваасу, просто в том, что участники движения Петра Пустынника стремились только достичь христианского идеала апостольского совершенства, тогда как рыцарство было охвачено и «волей к борьбе» за религиозные цели⁶¹. С точки зрения Вааса, движение бедняков близко

⁵¹ W a s. Religion, Politik. . ., S. 233.

⁵² W a s. Geschichte. . ., Bd. I, S. 98.

⁵³ Ibid., S. 52.

⁵⁴ Даже Ф. Дельгер в своей рецензии на труд Вааса (BZ, Bd. 50, Heft 2, 1957) квалифицирует оценку им роли религиозного фактора в крестовых походах как одностороннюю и утрированную (S. 463).

⁵⁵ W a s. Religion, Politik. . ., S. 234.

⁵⁶ W a s. Geschichte. . ., Bd. I, S. 33, 52 f.

⁵⁷ Ibid., S. 22—24.

⁵⁸ Ibid., S. 107.

⁵⁹ См. выше, стр. 298.

⁶⁰ W a s. Geschichte. . ., Bd. I, S. 77.

⁶¹ Ibid., S. 85.

к монашескому: толпы, пошедшие за Петром Амьенским, увлекло в поход на Иерусалим «желание сподобиться апостольской жизни»⁶². Следовательно, включает Ваас, несмотря на все различия, для участников обоих походов (1096 и 1096—1099 гг.) на первом плане стояли религиозные мотивы⁶³. Ваас даже выдвигает особую теорию «демократизации крестовых походов», будто бы происшедшей к XIII в., когда идеалы рыцарства были якобы усвоены «низшими классами». Этим Ваас объясняет такое явление, как детские крестовые походы 1212 г.⁶⁴: их он выводит также исключительно из религиозных представлений эпохи⁶⁵. Таким образом, «западное единство» остается под пером историка непоколебленным. Только в одном случае Ваас склонен усматривать в целях крестоносцев из «низших классов» принципиальное отличие от побудительных мотивов рыцарства, а именно — в крестовом походе «папушковых» 1251 г., в котором, по его словам, обнаружились «социально-агрессивные», или «социально-революционные тенденции»⁶⁶. Все же остальные крестоносные движения бедноты для Вааса — такие же, хотя и по-иному религиозные в своей основе предприятия, как и экспедиции рыцарства. Так, истина, заключающаяся в том, что участие крестьян в крестоносном движении являлось своеобразной формой их протеста против феодального гнета, приносится в жертву идее пресловутого «единства Запада».

Актуальными политическими устремлениями определяются и суждения Вааса о результатах крестовых походов. Когда читаешь страницы, где доказывается определяющее влияние, якобы оказанное крестовыми походами на развитие рыцарской культуры Запада⁶⁷, создается впечатление, что перед тобой — не работа исследователя середины XX в., а некая новейшая немецкая, со штемпелем ФРГ, калька с сочинения какого-нибудь сиятельного французского графа, вроде Шуазеля д'Айкура, почти 150 лет тому назад пытавшегося в своем конкурсном трактате прославить мнимо благотворительные результаты крестоносной эпопеи с позиций дворянства⁶⁸. Искусство, поэзию, быт, воспитание детей, многообразные формы общественной жизни рыцарства и т. д. Ваас, подобно Ш. д'Айкуру, целиком выводит из крестовых походов⁶⁹. Между тем, в настоящее время всякому непредубежденному историку должно быть ясно, что положительное воздействие собственно крестовых походов на западную культуру, если уж признавать таковое, было, во-первых, крайне ограниченным⁷⁰, а, во-вторых, и в этом случае источником культурных влияний, в первую голову, являлись отнюдь не войны западных рыцарей на Востоке, а торговые и другие отношения мирного характера между европейским Западом и арабско-сельджукским Востоком, которые все

⁶² Ibid., S. 77.

⁶³ Ibid., S. 85.

⁶⁴ Ibid., S. 253, 256.

⁶⁵ Ibid., S. 254—255.

⁶⁶ Ibid., S. 310.

⁶⁷ W a a s. Religion, Politik. . . , S. 235; i d e m. Geschichte. . . , Bd. II, S. 57—67.

⁶⁸ Ch. d'A i l l e s o u r t. De l'influence des croisades sur l'état de l'Europe. Paris, 1809. Кстати, сам Ваас вполне солидаризируется с выводами ученых, которые, следуя д'Айкуру, превозносили положительное воздействие крестовых походов на Европу (W a a s. Geschichte. . . , Bd. II, S. 282).

⁶⁹ Преувеличивает Ваас и степень воздействия крестовых походов на социально-экономическое и политическое развитие Европы. Так, он усматривает в крестовых походах важный фактор освобождения крестьянства в XIII в., рисуя неправдоподобную картину преуспеяния и «расцвета крестьянства на всем Западе» (W a a s. Geschichte. . . , Bd. II, S. 307).

⁷⁰ На это указал еще С. Рэнсимен в последнем томе своей «Истории крестовых походов» (см. ВВ, XIV, 1958, стр. 312).

больше пробивали себе дорогу в XIII в. Безусловно, прав французский исследователь К. Каэн, который в одной из своих недавних работ упрекает в незнании истории Европы ученых, доказывающих «в своих сентиментальных рассуждениях, будто восточные влияния обогатили Запад в результате крестовых походов»⁷¹. Этот упрек можно было бы отнести и к Ваасу, с той лишь оговоркой, что суждения историка на тему «крестовые походы и рыцарская культура» (так называется 5-я глава его монографии) целиком продиктованы все тем же стремлением — воспеть «единство западного мира» в крестоносном движении, на этот раз — в культурно-историческом аспекте. Именно крестоносное рыцарство, выступающее в качестве единого целого, исполненное единым идеалом, готовое сражаться и умирать за него⁷², — это рыцарство, с его культурой, возвращенной главным образом благодаря крестовым походам⁷³, по Ваасу, оказывается основным носителем «идеи Запада». Неслучайно как раз в главе о влиянии крестовых походов на рыцарскую культуру, завершающейся разделом под многозначительным названием «Крестовые походы и Запад», Ваас считает нужным снова подчеркнуть, что в эпоху крестовых походов, «пока они развертывались в полную силу, национальные противоположности, как бы они ни были чувствительны, все же отступают на задний план, оттесняемые сознанием общей принадлежности к Западу, призванному к крестовому походу, общей принадлежностью к божьему рыцарству»⁷⁴. И здесь — тот же хвалебный гимн крестовым походам. Но разве не прямым искажением истории, чтобы не сказать больше, является вывод Вааса о том, что эпоха крестовых походов была «одним из богатейших и прекраснейших периодов культурного развития, пережитых Западом»⁷⁵? Ведь это говорится о времени дикого фанатизма, гонений церковников на свободную мысль, гибели впустую сотен тысяч людей!

Было бы ошибочным после всего сказанного полностью вычеркивать работы Вааса из списка тех сочинений современных буржуазных авторов, которые имеют определенное научное значение. В работах Вааса можно найти и трезвые наблюдения частного характера; отдельные обобщающие положения также представляются вполне реалистичными. В частности, заслуживает несомненного внимания анализ автором вопроса о характере религиозных представлений крестоносного рыцарства. Ваас утверждает, — и многие доказательства его в этом отношении убедительны, — что религиозные воззрения рыцарей-крестоносцев были проникнуты по сути дела феодальными представлениями, что «религия была для этих людей серьезным делом, но — в рыцарском смысле»⁷⁶. Рыцари переносили в сферу религиозного мышления реальные черты своего, феодального мира⁷⁷. Подобные наблюдения Вааса могут рассматриваться как шаг вперед в изучении идеологии крестоносцев в буржуазной историографии крестовых походов. Ибо хотя западные исследователи затрагивали проблему

⁷¹ C. Cahen. La féodalité et les institutions politiques. . . , p. 191.

⁷² W a a s. Geschichte. . . , Bd. II, S. 58.

⁷³ Ibid., II, S. 69. Примечательно, что самые крестовые походы Ваас характеризует как «наиболее значительные и прекрасное творение западноевропейского рыцарства, несмотря на то, что им (походам. — М. З.) не суждено было достигнуть длительного успеха» (ibid., II, S. 280—281).

⁷⁴ Ibid., I, S. 69. К этому вопросу Ваас возвращается и в заключительной главе монографии («Последствия крестовых походов»), в которой еще раз указывает на то, как «великое общее дело и общее благочестие сплотили западное рыцарство в единое целое», как на основе «участия в общем деянии распледала единая рыцарская культура, перешагнувшая национальные границы» (ibid., II, S. 282).

⁷⁵ W a a s. Geschichte. . . , Bd. II, S. 294.

⁷⁶ W a a s. Religion, Politik. . . , S. 227.

⁷⁷ W a a s. Geschichte. . . , Bd. I, S. 9 f.; i d e m. Religion, Politik. . . , S. 226

«крестоносного благочестия», однако, почти никто из них не смог пойти дальше выявления различных сторон религиозности крестоносцев, взятой самой по себе, т. е. с точки зрения ее чисто идейного «наполнения»⁷⁸. Ваас идет дальше: он осмысливает эту религиозность и в ином, «земном» плане, подчеркивая феодальную основу религиозных представлений рыцарей-крестоносцев.

В целом, однако, концепция Вааса покоится, как уже было сказано, на идеалистическом фундаменте, а его работам присущи реакционные политические тенденции. И даже те, только что изложенные нами, выводы автора, которые мы склонны рассматривать как определенный вклад в научное изучение идеологии крестовых походов, при ближайшем рассмотрении оказываются подчиненными реакционным политическим установкам.

Развивая тезис о феодальном характере благочестия рыцарей-крестоносцев, Ваас старается спасти авторитет официальной идеологии средневековья. Для этого он решительно ограничивает религиозные представления рыцарства, совокупность которых обозначается им особыми терминами — *Kreuzfahrglaube*, *Gottesstreiterglaube*, — от христианского вероучения. По мнению Вааса, римская церковь — хранительница христианской веры — всегда отвергала войну, а посему, заверяет историк, воинственное рыцарское благочестие к учению церкви никакого отношения не имеет: оно «идет не от церкви и ее учения»⁷⁹. «Вера крестоносцев», или «вера бойцов божьих», проникнутая феодальными чертами, возникшая независимо от церкви, была не только не тождественна католической религии, но и являлась искажением и «сужением» таковой. С этим положением связаны некоторые существенные для понимания политической направленности работ Вааса историко-философские обобщения. Изучение крестовых походов позволяет, по его мнению, решить одну актуальную, полагает он, проблему — о значении и возможных границах вмешательства религии в политику. Конечная неудача крестовых походов, считает историк, служит поучительным примером того, к каким пагубным результатам приводит в известных случаях такое вмешательство. Поражения крестоносцев, — а ведь крестовые походы, как это мыслит Ваас, были вызваны именно «верой бойцов божьих»⁸⁰, — обусловили кризис религиозного мировоззрения в светских кругах на Западе⁸¹, и притом кризис такой силы, что возникла опасность для самой христианской веры⁸², не говоря уже о том, что неудача «великого дела» дискредитировала идею Запада, вызвала упадок рыцарской культуры и т. д. Таким образом, вмешательство религиозного фактора в историю во время крестовых походов в конце концов выдвинуло на передний план разрушительные силы, оказавшие в последнем счете все же большее влияние на ход исторического развития Запада, чем первоначальные успехи крестоносцев. Это произошло, по заключению Вааса, потому, что в крестовых походах имело место массовое помрачение чистоты и полноты истинной христианской веры⁸³. «Вера бойцов божьих» оказалась «приземлением», «сужением», а значит и «ущемлением» христианства, «уступкой феодальному мышлению рыцарства». «Существенное содержание христианства» было предано заб-

⁷⁸ В этом отношении наиболее типична книга P. R o u s s e t. *Les origines et les caractères de la première croisade*. Neuchâtel, 1945.

⁷⁹ W a a s. *Religion, Politik*. . . , S. 230.

⁸⁰ *Ibid.*, S. 245.

⁸¹ *Ibid.*, S. 243.

⁸² *Ibidem*; ср. i d e m. *Geschichte*. . . , Bd. II, S. 302.

⁸³ W a a s. *Geschichte*. . . , Bd. II, S. 304.

вению западным рыцарством, в среде которого религиозные представления были приспособлены к его реальным интересам. В итоге — провал крестовых походов со всеми его плачевными, с точки зрения Вааса, последствиями.

Основную причину того, что «утрата религиозными истинами своего существенного содержания» в рыцарской среде, «приземление», приспособление религии к «реальным жизненным условиям» возымели столь губительные результаты, Ваас видит в том, что активное участие в крестовых походах принимали именно массы рыцарства, которые «навязали вере свой обычный (т. е. феодальный. — М. З.) образ мышления». «Искажение христианской веры» в крестовых походах стало опасным как раз потому, что «решающим элементом в развитии крестоносного благочестия выступили массы», а всякое массовое мышление упрощает идеи, «делает их плоскими»⁸⁴ и пр.

Все эти претендующие на глубину историко-философские рассуждения Вааса ничего не объясняют в истории крестоносного движения XI—XIII вв., обнаруживая лишь страх буржуазного историка перед действиями масс вообще. Сам Ваас, однако, довольно четко выражает внутренний смысл своих морализирующих умствований: опыт истории, по его словам, показывает, что нельзя вообще отказываться от вмешательства религии в область политики; весь вопрос — в степени и характере этого вмешательства, которое совсем не всегда приносит одни только губительные плоды. Наилучшим, по мнению Вааса, является такое положение, когда «ответственность за дела и требования, вытекающие из веры, несут отдельные личности». В качестве образца такого «безопасного» приложения религии к политике он выставляет деятельность Карла Великого, Оттонов и . . . Бисмарка⁸⁵.

Таким образом, идейно-политический итог философствований Вааса по поводу крестовых походов достаточно убог и реакционен: историк признает положительное значение лишь за религиозно-политическими «деяниями» сильного правителя, противопоставляя их действиям масс. Там, где в событиях участвуют массы, и религии, и реальным результатам, «воздвигнутым на ее основе», грозят серьезнейшие опасности. Подтверждением этого Ваас считает не только крах крестовых походов, но и ряд фактов истории более позднего времени; он ссылается, в частности, на события крестьянской войны 1525 г. в Германии, которым он также дает извращенное толкование, и даже на . . . последствия первой и второй мировых войн. По Ваасу, обе эти войны привели к краху «той формы веры, которой придерживались на Западе в течение многих десятилетий и которая характеризуется национализмом и упованием на бога»⁸⁶. В результате этого «ныне мы на Западе переживаем отрезвление и разочарование». В этих словах отчетливо сказывается неспособность буржуазного историка глубоко понять последствия обеих мировых войн и действительный характер вызванных ими перемен. Таков объективный смысл того «прыжка» из крестовых походов в современность, который венчает его историко-философское построение.

Нельзя не отметить непоследовательности, противоречивости оценки Ваасом крестовых походов. С одной стороны, в его работе налицо ярко выраженное прославление крестоносных экспедиций, как движения, которое, будучи вызвано религиозными причинами, послужило основой создания единства Запада, его культуры и пр. С другой, Ваас вынужден

⁸⁴ W a a s. Religion, Politik. . ., S. 247.

⁸⁵ Ibid., S. 247.

⁸⁶ Ibid., S. 246.

искать объяснения такому бесспорному факту, как конечный крах крестоносной эпопеи. Кто «виновник» неудачи крестовых походов? И Ваас находит его: оказывается, — это безликая масса крестоносцев⁸⁷, которые исказили, да и то поневоле, истинное христианское учение в соответствии со своим духовным уровнем и потребностями и тем самым свели на нет, в конечном счете, результаты собственных усилий. За «гордыми свершениями» крестоносцев последовала полная катастрофа. Впрочем, и рыцарству не приходится вменить в вину крах походов, так же, как нельзя возлагать ответственность за него на папу или отдельных вождей крестоносцев: «причины неудачи крестовых походов были заложены в самой их сущности», в «феодализованном христианстве» западного рыцарства⁸⁸. Мораль этих рассуждений проста: нельзя допускать вмешательства в политику религиозных представлений, отступающих от истинного верования, а право определения «границ» вмешательства должно принадлежать «ответственным» личностям. . .

Так в работах Вааса история крестовых походов служит совершенно определенным по своей политической направленности целям западно-германской империалистической реакции, вдохновляемой руководством христианско-демократической партии.

Аналогичные тенденции, хотя и не столь полно выраженные, в большей или меньшей степени присущи ряду других работ историков ФРГ. Это, прежде всего, статья Ф. В. Вентцлав-Эггеберта «Идея крестового похода и средневековое миросозерцание»⁸⁹. Она представляет собой реферат доклада, прочитанного автором на сессии «Союза германистов» осенью 1954 г.⁹⁰ Содержание этой работы не соответствует ее заголовку: оно гораздо уже последнего. Основная часть исследования Вентцлава посвящена вопросу об отражении различных элементов крестоносной идеологии в средневековой поэзии.

Автор, будучи в большей мере специалистом-филологом, нежели историком, сопоставляет произведения поэтов XII—XIII вв. с папскими буллами о крестовых походах, с текстами различных крестоносных проповедей и другим документальным материалом, относящимся к 1146—1198 г., и таким путем старается выделить главные «мотивы» поэзии крестовых походов. Он рассматривает здесь такие вопросы, как: степень индивидуализации крестоносных проповедей в стихотворениях французских и немецких поэтов, типы их крестоносных песен и т. д. Анализ этих проблем ведется исключительно в формалистическом плане. Выводы автора сводятся либо к констатации того, что составные элементы идеи крестового похода⁹¹ в документальных памятниках и в лирической поэзии XII—XIII вв. совпадают друг с другом, либо к утверждению, что мотивы крестовых походов, сформулированные в нарративных документальных и других источниках, проникли в лирику, где идея крестовых походов выступает в наиболее полном единстве со средневековым миросозерцанием.

Существо концепции ученого лучше всего вскрывает анализ автором той проблемы, которая, как уже указывалось, намечена в самом названии его работы. Вентцлав формулирует эту концепцию словами другого

⁸⁷ W a a s. Geschichte. . ., Bd. II, S. 280.

⁸⁸ Ibidem.

⁸⁹ F. W. W e n t z l a f f - E g g e b e r t. Kreuzzugs idee und mittelalterliches Weltbild. — «Deutsche Vierteljahrschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte». Stuttgart, 1956, I. Heft.

⁹⁰ Съезд «Союза германистов» происходил с 27 сентября по 2 октября 1954 г.

⁹¹ К таковым Вентцлав относит тот же комплекс воззрений, которые Ваас называет «верой бойцов божьих» (см. ниже).

западногерманского историка — Ю. Хасхагена; в своем обобщающем историко-социологическом труде «Европа в средние века» (1951) Хасхаген приписывает крестовым походам всемирно-историческую роль на том основании, что они явились началом экспансии европейских народов на Восток, «санкционированной христианской идеей». По мнению Вентцлава, только «под таким широким углом зрения и можно оценить объем и степень воздействия идеи крестового похода»⁹². Вентцлав искажает таким образом действительную сущность крестовых походов: ведь они являлись прежде всего захватническими войнами феодалов и к тому же не имели в истории того значения, которое здесь за ними признается. Вентцлав, далее, углубляется в историю формирования идеи крестового похода. Подобно Руссу и Ваасу, Вентцлав трактует крестовые походы в идеалистическом духе. Так, он считает, что участие масс в Первом крестовом походе следует целиком объяснить тем, что к концу XI в. сформировалась идея крестового похода⁹³. Политические факторы (например, положение дел на Востоке) лишь благоприятствовали началу похода 1096 г., «но не это вело к добровольному, проникнутому фанатическим духом самопожертвования принятию креста массой мирян, образовавших войско вооруженных паломников»⁹⁴: главным было то, что созрела идея священной войны. Явно преувеличивая роль религиозного фактора, Вентцлав пытается затем показать, как было дано юридическое обоснование этой идеи (в «De vita christiana» Бонизо Сутрийского)⁹⁵, каким образом она была приведена в соответствие с положениями религиозной догматики и т. д. Правда, в его работе мы обнаруживаем также раздел «Социологические и сословные предпосылки священной войны»⁹⁶, однако заглавие это не должно вводить в заблуждение: автор вовсе не старается установить социальные основы крестоносного движения; подобно Ваасу, он лишь перечисляет некоторые особенности воззрений крестоносцев, связанные с характерными чертами феодальной идеологии вообще. Перед Вентцлавом даже не возникает вопрос о несходстве реальных мотивов участия в походе представителей различных общественных групп: символ креста, пишет он, объединил все сословия. Для всех этот символ означал не только напоминание о мученической смерти Иисуса, но и возможность искупления грехов и избавления от ада⁹⁷.

Разумеется, для исследователя воззрений крестоносцев важно проникнуть и в самый образ их мышления, т. е. уяснить, как истинные, земные цели крестового похода преломлялись в разгоряченном религиозной экзальтацией мозгу «воинов крестовых». В этом отношении работа Вентцлава содержит ряд тонких конкретных наблюдений. Вентцлав, в частности, убедительно выясняет реальное значение понятия «святая земля» в глазах европейцев в XI в.⁹⁸ В его работе имеется небезынтересный материал, касающийся процесса становления крестоносной идеологии, того, как

⁹² Wentzlauff-Eggebert. Op. cit., S. 71.

⁹³ Ibid., S. 72—73.

⁹⁴ Ibid., S. 72.

⁹⁵ Ibid., S. 74.

⁹⁶ Ibid., S. 76—78.

⁹⁷ Ibid., S. 74.

⁹⁸ Тезис о защите «святой земли» фигурирует во всех проповедях крестовых походов. Это понятие, указывает Вентцлав, трактовалось церковью как «христианское наследство», т. е. место, освященное жизнью и страданиями Христа. Поэтому мысль о необходимости добиться освобождения «святой земли» получила широкое распространение среди рыцарей: ведь притязания рыцарей на земли Востока оправдывались наследственным правом, и тезис церкви — нужно защитить наследство Христа от «неверных» — в этих условиях казался вполне правомерным (Wentzlauff-Eggebert. Op. cit., S. 75).

церковь и особенно папство и его идеологи в X—XI вв. старались примирить «христианское учение и войны, предпринимавшиеся под эгидой церкви»⁹⁹.

Однако эти весьма немногие ценные наблюдения автора растворяются в его крайне идеалистической и односторонней концепции крестовых походов.

Наибольший интерес среди работ западногерманских историков о крестовых походах представляет исследование Летиции Бэм¹⁰⁰. Оно носит историографический характер и посвящено истории изучения и истолкования крестовых походов, преимущественно — первого из них (1096—1099 гг.). Надо воздать должное Л. Бэм: она с большой тщательностью собрала и систематизировала весьма значительный историографический материал по крестовым походам. Особенно содержательным — главным образом, с точки зрения библиографической полноты — является, пожалуй, тот самый обширный раздел исследования, в котором разбираются работы по истории крестовых походов, написанные в XV—XVIII вв., — труды гуманистов (Флавио Бьондо, Бенедикт Аккольт, Якоб Вимпфелинг и др.), идеологов Реформации и Контрреформации (протестанты Томас Фуллер, Готфрид Арнольд, иезуиты Пьер д'Утреман, П. Луи Мэмбур), историков и философов Просвещения (Э. Гиббон, Ф. М. Вольтер, У. Робертсон и др.). Сочинения этих и других писателей XV—XVIII вв. рассматриваются автором очень обстоятельно, чего нельзя сказать об исследованиях ученых XIX и XX вв., характеризующих Бэм лишь в более или менее общих чертах.

В своем исследовании Бэм, рассматривая «длинный путь», проделанный западной исторической наукой «к правильному пониманию крестовых походов», выдвигает отдельные положения, свидетельствующие о реалистическом подходе автора к некоторым проблемам историографии крестовых походов. Бэм отдает себе довольно ясный отчет в том, что, например, оценка причин и последствий крестовых походов историками была тесно связана с общей эволюцией их «мировоззренческих установок»¹⁰¹. Впрочем, Бэм, в своих теоретических воззрениях остающаяся на позитивистской платформе, не улавливает более глубоких связей между этими «мировоззренческими установками» и социально-политической средой, которая служила основой для их появления. Тем более примечательно, что в ряде случаев Бэм весьма трезво констатирует определенную зависимость мотивов исследований и их направленности от конкретной политической обстановки. Так, связывая активизацию исследовательских усилий в области истории крестовых походов, имевшую место с конца XIX в. и особенно вскоре после первой мировой войны, с подъемом ориенталистики и византиноведения, Бэм объясняет этот факт ростом колониальных интересов французов и немцев в Малой Азии и Сирии¹⁰². Это наблюдение, безусловно, заслуживает внимания, и имена историков крестовых походов, которые приводит автор, указывая на такого рода связь (Ж. Лоньон, Л. Мадлен и др.), несомненно, названы Бэм с полным основанием. Однако у Бэм можно найти гораздо больше ценных наблюдений, относящихся к характеристике взглядов отдельных исследователей проблематики истории крестовых походов. Обобщения же, подобные только что приведенному, у нее редки.

⁹⁹ Wentzlauff-Eggebert. Op. cit., S. 73—74.

¹⁰⁰ L. Boehm. «Gesta Dei per Francos» oder «Gesta Francorum»? Die Kreuzzüge als historiographisches Problem. — «Saeculum», 1957, Bd. 8, Heft 1.

¹⁰¹ Boehm. Op. cit., S. 49.

¹⁰² Ibid., S. 78.

Зато в работе Бэм довольно явственно звучат уже знакомые нам мотивы. Прежде всего, в качестве одного из ее основополагающих выводов выступает тезис о том, что «крестовые походы — это существенная составная часть понятия Запад»¹⁰³. Таким образом, в изучении «длинного пути», который прошли крестоносные штудии, западногерманская исследовательница как бы видит своего рода «научное» средство «самоутверждения» «Абендланда». Неслучайным поэтому является полное игнорирование этим историографом трудов русских (не говоря уже о советских), болгарских, румынских, греческих ученых. Показательна и другая немаловажная особенность исследования Бэм: оценивая различные работы на интересующую ее тему, Бэм, при всей своей критичности, все же отдает явное предпочтение тем из них, в которых крестовые походы трактовались исключительно в положительном плане, т. е. авторы которых рассматривали эти предприятия как важный фактор в культурном развитии Запада. Естественно, что применение такого необъективного критерия отрицательно сказывается на многих суждениях Бэм относительно сравнительной ценности работ тех или иных ученых. Так, апологетические сочинения романтиков начала XIX в. Ф. Вилькена и Ж. Мишо, авторы которых были еще весьма далеки от научного анализа истории крестовых походов, Бэм считает фундаментальными вехами¹⁰⁴ в развитии историографии крестовых походов. Она находит в поверхностных, хотя и многотомных трудах этих ученых «историзм», стремление судить об эпохе по ее собственным масштабам и т. д. В то же время о действительно критическом исследовании Г. Прутца («Культурная история крестовых походов», 1883 г.) Бэм упоминает мельком и старается умалить его значение. Она даже утверждает, будто концепция Г. Прутца, который, как известно, в своей работе привел немало фактов, разоблачавших неприглядный облик крестоносцев, «не имела серьезных последствий» в историографии¹⁰⁵. Это утверждение является абсолютно необоснованным: воззрения целого ряда историков — от Ф. И. Успенского до Ст. Рэнсимена и К. Каэна — испытали на себе, думается нам, прямое или косвенное влияние здравых взглядов Г. Прутца хотя бы по вопросу о значении крестовых походов, которое зачастую переоценивалось учеными, следовавшими в той или иной мере за Ф. Вилькеном или Ж. Мишо.

Чрезвычайно слабой является методологическая сторона исследования Бэм. Исходным принципиальным пунктом ее работы служит представление о крестовых походах как о сложном и многостороннем явлении. В первой главе своего труда («К проблематике понятия «крестовый поход») Бэм отвергает однобокие, по ее мнению, суждения историков, которые видели в крестовых походах либо переселение народов, либо колониальные экспедиции (Б. Куглер, а до него — Ф. М. Вольтер и Фр. Шиллер), либо — результат социально-экономических сдвигов в Европе (Г. Прутц); не приемлет она и воззрения историков, считавших эти предприятия выражением религиозных идей своего времени (сперва — Ф. Вилькен и Ж. Мишо, позже — Л. Брейе, М. Атем), следствием властолюбивых стремлений папства (Л. Ранке), усматривавших в них решающий этап в столкновении ислама с христианством (Г. Зибель). Бэм соглашается с К. Эрдманом, полагавшим бесплодной всякую попытку точно определить соотношение между «идеальными» и «реальными» мотивами крестоносцев: такая попытка ей даже кажется опасной, поскольку она таит в себе возможность переоценки тех или других факторов. Ясное определение

¹⁰³ Ibid., S. 81.

¹⁰⁴ Ibid., S. 73.

¹⁰⁵ Ibid., S. 78.

того, что такие крестовые походы, крайне затруднительно, пишет автор¹⁰⁶. Бэм обосновывает свой отказ от определения самого понятия «крестовые походы» тем, что, с одной стороны, оно обнимало «слишком много явлений» (крестовый поход на Восток, против славян, против еретиков, против схизматиков и пр.) и имело разные оттенки в глазах различных общественных слоев (рыцарства, народа, пап, князей); с другой — тем, что в течение двухсот лет — времени, когда происходили крестовые походы, — во всех областях жизни совершались крупные перемены, и это не могло не сказаться на мотивах и целях крестоносных предприятий. Неизменной, — говорит Бэм, — оставалась лишь форма, предпосылки же крестовых походов менялись.

В известной мере эта мысль справедлива: мотивы крестовых походов и их характер действительно не оставались без изменения на протяжении XI—XIII вв. Можно признать правоту Бэм, когда она, например, утверждает, что с середины XII в. возрастала «трезво-критическая» струя, повышалось значение реальных политических соображений¹⁰⁷.

Однако, если это и так, вправе ли историк уходить от определения понятия «крестовые походы»? Каким бы многообразным ни было это явление и какие бы переплетения «идеального» и «реального» ни содержало в себе, все же крестовые походы, — с точки зрения марксистского, материалистического понимания истории, — представляют собой вполне определенный исторический процесс в жизни средневекового общества, и «идеальное» в этих предприятиях всегда служило своеобразным выражением и дополнением «реального». Рассуждения Бэм о действиях *многообразных* факторов скрывают неумение историка увидеть за внешним многообразием единую в общем и целом сущность крестовых походов.

Наивная беспомощность Бэм в решении кардинальных вопросов ею же поставленной темы проявляется и там, где автор пускается в историко-философские рассуждения. В начале основной части своей работы — третьей главы («Путь исследования») — Бэм высказывает верную мысль, отмечавшуюся уже нами выше, — именно, она утверждает, что оценка причин, хода и последствий крестовых походов всегда была связана с мировоззренческими установками историков, и поэтому путь к верному пониманию крестовых походов был столь же длинным, как и путь к правильной оценке средневековья в целом¹⁰⁸. Далее, однако, ею выдвигается следующий тезис: оказывается, «историография — это не только мировоззрение, но (!) и выражение национальной мысли». На историографию вообще оказывают большое влияние «патриотические побуждения различных наций». Особенно это относится к историографии крестовых походов, которые хотя и принадлежали истории «всего христианского Запада», но все же сильнейшие импульсы к которым исходили из Франции, вследствие чего и их изучение интенсивнее всего велось в этой стране¹⁰⁹. Последнее верно, но, конечно, исследователь историографических проблем не может отделять «патриотические стимулы», руководившие теми или иными историками, от их общеисторических воззрений. К тому же и самое представление Бэм о «патриотизме» является совершенно извра-

¹⁰⁶ Boehm. Op. cit., S. 49.

¹⁰⁷ Ibid., S. 45. Эволюции крестоносного движения уделяет большое внимание и Ваас, который, прослеживая возрастающую роль торговых и политических интересов в крестоносном движении с конца XII в., старается таким путем «глубже» обосновать свой тезис о рыцарском благочестии как первопричине крестовых походов (см. W a a s. Geschichte. . . , Bd. I, S. 216 f).

¹⁰⁸ Ibid., S. 49.

¹⁰⁹ Boehm. Op. cit., S. 50.

ценным: в тех местах своей работы, где ей приходится при объяснении различных концепций крестовых походов ссылаться на «патриотические» мотивы авторов этих концепций, она обычно принимает за «патриотизм» совершенно иные черты политических взглядов трактуемых ею историков, которые скорее можно назвать в одних случаях националистическими, в других — великодержавными и т. п.

Со многими высказываниями А. Васса и Л. Бэм перекликаются некоторые идеи, выдвигаемые в западногерманской исторической публицистике. К сочинениям этого жанра можно отнести своеобразный трактат австрийского историка Фр. Хэера «Крестовые походы и идеологии крестовых походов»¹¹⁰. Эта работа — любопытно, что опубликовал ее западногерманский журнал, — в основном посвящена вопросу об использовании идеи крестового похода в условиях современности. Публицистической — главной — части работы Хэера предпослано историческое введение. В нем содержатся некоторые близкие к истине соображения относительно крестовых походов на Восток XI—XIII вв. Хэер скептически — и с полным основанием — относится к мнению тех историков, которые усматривают причину Первого крестового похода в том, что восточные христиане будто бы обратились за помощью к своим собратьям на Западе против мусульман. Действительно, ориенталисты в настоящее время рассеяли эту старую и очень распространенную легенду (особенно ценны в этом отношении исследования К. Каэна, не упоминаемые, впрочем, Хэером). Прав Хэер, когда он отрицает также распространенный взгляд, согласно которому о военном походе на Восток франков просила Византия¹¹¹. В известной мере здравые суждения высказывает автор и о крестоносной политике папства в конце XI в. Организуя вооруженную экспедицию в «святую землю», Урбан II вовсе не помышлял об оказании помощи восточным христианам: папа, утверждает Хэер, просто стремился повернуть воинственную энергию рыцарей и сеньоров, беспрестанно затевавших распри друг с другом, в другую сторону, — к святой земле — с тем, чтобы перенести войны за пределы Западной Европы. Отчасти это, конечно, так и было, хотя Хэер, несомненно, ошибается, выводя эти намерения «гениального» Урбана II из бескорыстной приверженности клюнийцев к миру, как таковому, и не видя социальной подоплеки крестоносной пропаганды Рима в конце XI в. Интересны, хотя и не оригинальны, большей частью, суждения автора о «злоупотреблениях» идеей крестового похода в XIII в., когда эта идея стала служить чисто политическим целям пап, королей и всякого рода земельных магнатов¹¹².

То же самое в определенной степени относится и к характеристике, даваемой Хэером византийской политике времени крестовых походов, и в связи с этим — вопросу о взаимоотношениях Запада и Византии в этот период. Нельзя, например, не согласиться с автором там, где он указывает, что фактически только крестовые походы привели к окончательному разрыву Запада и византийского Востока: догматические расхождения и политические конфликты Рима с Византией, имевшие место до крестовых походов, сами по себе не могли бы, говорит Хэер, создать такое положение. Эта мысль справедлива, но более чем странным представляется тот «мостик к современности», который здесь пытается перебросить Хэер, когда, говоря о «глубоком впечатлении», произведенном «на христианский

¹¹⁰ F. Heer. *Kreuzzüge und Kreuzzugsideologien*. — «Neue deutsche Hefte», Heft 35, Juni 1957.

¹¹¹ *Ibid.*, S. 208.

¹¹² *Ibid.*, S. 209, 211.

Восток» военными вторжениями франков, он старается объяснить этим. . . политику Советской России по отношению к западному миру: оказывается, она просто-напросто унаследовала ненависть восточной церкви к Риму, «к жадному до завоевания и добычи Западу с его многочисленными ересями». Разумеется, такого рода «объяснения» следует приписать только политической слепоте Хэера, ибо, по меньшей мере, смешно полагать, будто внешняя политика СССР определяется тем, что Россия-де (в качестве «наследницы христианского Востока») «до сего дня не оправилась от тягостных впечатлений»¹¹³, вызванных крестовыми походами XI—XIII вв.

Главная, историко-публицистическая часть трактата Хэера является гораздо более слабой, чем исторический экскурс, в котором все же содержатся рациональные элементы. Более того: в целом попытку Хэера выяснить значение «крестоносных идеологий» для современности нельзя признать ни удачной, ни научно обоснованной. Напротив: по своим важнейшим установкам эта часть работы Хэера представляется методологически несостоятельной, в политическом же отношении — весьма реакционной. Выдвинув тезис о том, что и по сей день идея крестового похода питает в мире климат холодной и горячей войны¹¹⁴, Хэер в дальнейшем направляет все свои усилия на доказательство явно надуманных положений об «извечности» и «обратимости» этой идеи. Крайне расширяя границы самого понятия «крестовый поход», он причисляет к «крестоносным идеологиям» все и всяческие политические, философские, религиозные взгляды, последователи которых с непримиримостью относились или относятся к своим идейным противникам. В одну кучу при этом свалены и реакционные, и прогрессивные идеи. Так, Хэер объявляет сторонниками идеологии крестовых походов (в том смысле, который он искусственно придает этому термину) пуритан времен английской революции XVII в.¹¹⁵, французских якобинцев XVIII в.¹¹⁶ и т. п. Даже антиимпериалистическую борьбу народов арабского Востока в наше время Хэер признает якобы вдохновляемой крестоносной идеологией. Антиисторизм и реакционность подобных суждений становятся особенно очевидными, когда автор ставит в один ряд такие по существу несопоставимые явления и процессы, как борьба арабских народов за национальную независимость и . . . ликвидация гитлеровцами демократических свобод в Германии. Характерно, что акты уничтожения фашизмом остатков буржуазной демократии Хэер предпочитает называть «эксцессами» в духе крестоносной идеологии, имевшими-де место в «Третьей империи», отмечая, впрочем, что «известные тенденции» такого рода наблюдаются ныне и в Западной Германии¹¹⁷. Само собой разумеется, все подобные рассуждения Хэера, который не останавливается перед клеветническими выпадами в адрес советского строя и народно-демократического режима в странах Восточной Европы¹¹⁸,

¹¹³ Неег. Op. cit., S. 209.

¹¹⁴ Ibid., S. 206. При этом Хэер приводит ряд небезынтересных фактов, показывающих — хочет того автор или нет, — как лозунг крестового похода применялся в пропагандистских целях реакционными силами империалистического мира накануне и во время Второй мировой войны (итальянскими, испанскими, немецкими, румынскими фашистами), какую роль «дух» крестового похода играл во внутренней и внешней политике американских империалистов после Второй мировой войны.

¹¹⁵ Ibid., S. 213: «К английской пуританской революции восходят корни крестовых походов за демократию» (!?).

¹¹⁶ Ibid., S. 214.

¹¹⁷ Ibid., S. 215.

¹¹⁸ С целью опорочить социалистическую идеологию Хэер объявляет и ее идеологией «крестового похода», «священной войны против дьявольского капитализма и западных государств» (!? — М. З.) (ibid., S. 207).

не могут дать никаких плодотворных результатов. Фактически Хээр только затушевывает подлинный исторически-реакционный смысл идеи крестового похода и ее использования агрессивными кругами империализма.

Стоит отметить и своеобразный вывод, которым завершается статья Хээра: стараясь внушить читателю искаженное представление о существовании идеи «крестовый поход» и искусственно толкуя с этой целью самое понятие крестового похода, как выражающее якобы некую абстрактную «волю к уничтожению»¹¹⁹, Хээр заявляет, что единственным средством покончить с крестовыми походами и «крестоносными идеологиями» является . . . внутреннее самоусовершенствование индивида. Призыв Хээра к нравственному усовершенствованию личности в качестве единственного способа рассеять атмосферу холодной войны звучит просто кощунством в современной обстановке, когда все более широкие слои населения капиталистических государств, в том числе и Западной Германии, включаются в активную борьбу за мир. Историко-философская концепция крестовых походов, развиваемая Хээром, объективно служит делу ослабления этой борьбы.

* * *

Резюмируя сказанное о современной западногерманской историографии крестовых походов, можно сделать следующие выводы. Историки Федеративной Республики Германии проявляют в последние годы значительный интерес к проблематике истории крестовых походов. Это повышенное внимание к крестовым походам объективно связано с определенными тенденциями в развитии всей буржуазной идеологии периода «холодной войны», в первую очередь, — в условиях превращения Западной Германии в главную ударную базу в Европе агрессивного Североатлантического блока.

Оставаясь, подобно большинству буржуазных историков других стран, на позициях исторического идеализма, современные западногерманские исследователи не в состоянии по-новому решить коренные проблемы истории крестовых походов. Взгляды ученых ФРГ на причины, характер, последствия этого движения и т. д. представляют собой лишь несколько видоизмененные концепции, выдвигавшиеся в буржуазной историографии десятки лет тому назад: крестовые походы рассматриваются главным образом как предприятия, обусловленные в первую голову религиозными мотивами.

Одним из самых серьезных пороков трудов западногерманских исследователей истории крестовых походов (в первую очередь А. Бааса) является лежащий на этих работах отпечаток реакционных воззрений, которые получили распространение в пропаганде западногерманских империалистических кругов. Наиболее отчетливо выступает в них стремление исторически обосновать несостоятельную по существу идею западного единства, противопоставить христианский Запад и его культуру мусульманско-византийскому Востоку.

М. А. Заборов

¹¹⁹ Ibid., p. 215.